

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия**Институт философии и социально-политических наук, Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики
Доктор философских наук, профессор**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia**Head of Department of the Theory of Culture, Ethics and Esthetics of Institute of Philosophy and Socio-political Sciences**Doctor of Philosophical Science, Professor**shtompel@donpac.ru***КРЕАТИВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ВРЕМЯ И ВНЕВРЕМЕННОСТЬ****CREATIVITY OF CULTURE: TIME AND BEYOND TIME**

Статья посвящена проблеме сопряжения культуры со временем. Прослеживаются несколько уровней этого сопряжения: хронологический, связанный с формированием определенного порядка происходящих в культуре событий и процессов; ценностно-образный (на котором конкретный момент хронологического времени связывается с ценностями и смыслами культуры); трансгрессивный (на котором происходит переход за пределы наличного времени). Автор показывает, каким образом эта трансгрессия позволяет культуре выйти на уровень вечности – т.е. надвременных духовных образований. В статье развивается предложенная автором информационно-аксиологическая концепция времени.

Ключевые слова: время, культура, настоящее, разрыв, граница, теперь, смысл, вечность.

The article is devoted to the problem of coexistence of time and culture. Three levels of their interaction and interdependence are discussed throughout the paper: chronological level, level of values and transgressive level. The first chronological level is connected with the formation of sequences of events and processes occurring in culture. Level of values deals with the connection of the concrete moment of time with culture's ideal values and goals. Finally, on the transgression level happens transition which leads culture beyond time. That is, this transgression allows culture to step out of the limits of time and reach the level of eternity - level of the spiritual integrity existing beyond time. The article presents and develops author's own concept of value-informational understanding of time.

Key words: time, culture, present time, interruption (gap), border, now, meaning, eternity.

Трудно назвать какого-либо крупного философа, социолога или культуролога, творивших во 2-ой половине XIX в. и тем более в XX в., который в том или ином аспекте не затрагивал бы проблему времени в культуре. О времени в

культуре (в том или ином аспекте) высказали важнейшие мысли Э.Дюркгейм, Г.Зиммель, К.Манхейм, Р.Мертон, П.Рикёр, Ж.-П.Сартр, П.Сорокин, Л.Февр, М.Хайдеггер, О.Шпенглер и др. Это связано с тем, что время культуры многоаспектно, что делает его весьма интересным объек-

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

том анализа, но, кроме того, в рамках исторического знания (до недавних пор лишь исторического), оно выполняло и определенную инструментальную роль. Действительно, с помощью понятия «время» строились различные типологии истории. Так, Ф.Бродель указывал на весьма распространенный прием: расчленить историю на секторы (получатся истории политическая, экономическая, социальная, культурная) и расчленить время «на базе разнообразных временных характеристик». В результате могут быть выделены «временные характеристики длительной и очень длительной протяженности, изменения конъюнктуры замедленные и менее замедленные, сдвиги быстрые, а иные – и мгновенные, причем зачастую самые кратковременные обнаруживаются легче всего»¹. Однако «количество времени» - длительности, последовательности, ритмы, скорости и т.п. – есть лишь первый слой такой формы культуры, как ее время.

Культура существует во времени. Ее существование во времени означает формирование определенного порядка происходящих в ней процессов, обладающих длительностями. Эти длительности определенным образом соотносятся, соподчиняются, выстраиваются в цепочки (когда следуют одна за другой), матрешки (когда встраиваются друг в друга), создают другие конфигурации. Но культура не только «разворачивается» во времени, но и «творит» его. «Сотворение» времени, во-первых, означает создание в каждой культуре тех образов, в которых закрепляются представления о ее возникновении и истоках, развитии, ключевых точках, направлении и завершении. На это обратил внимание еще К.Манхейм, рассматривающий ориентацию во времени как смысловую целостность, предопределяющую постижение исторического развития. Каждый из этих важнейших моментов оформляется не только количественным образом

(посредством хронологии), но и качественным – посредством сопряжения определенного момента со степенью реализации, достижения, соответствия смыслам данной культуры. Во-вторых, «сотворение» времени означает также выбор и переживание (не только в эмоциональном, но прежде всего в смысле «проживания») последствий выбора определенного типа развития, средств достижения поставленных целей, способов инкультурации и т.д. Этот второй аспект «сотворения» времени позволяет рассматривать культуру как вневременное образование – образование, постоянно перешагивающее за пределы наличного социального времени. Вневременность культуры означает, что трансформация ее духовных оснований есть прерывание их континуальности. Непрерывность времени культуры обусловлена не тем, что смыслы, ценности и цели культуры «живут» дольше, чем материальные артефакты, в которых они воплощаются, но тем, что их трансформация есть переключение кода культуры, другими словами, завершение определенного типа культуры и ее времени. Кроме того, сфера трансцендентного всегда располагается вне времени - в вечности. Эта традиция понимания вечности как вневременного бытия некоей совершенной сущности, не нуждающейся в дальнейшем совершенствовании, была заложена еще Платином.

Длительность предметно-вещественного, объективно-социального и длительность духовного, невещественного – качественно различны, но и та, и другая прерывны в том смысле, что проходят разные состояния, имеющие начало и конец. Следует иметь в виду, что событие и его время - не одно и то же. Чем мы измеряем дление (как самое первое подтверждение наличия времени)? Только моментами его прерывания: мы можем фиксировать начало и конец какой-либо качественной непрерывности и именно измерение этого отрезка позволяет нам говорить о длительности. В качестве примера диалектики прерыва непрерывности как сущности времени вспомним известную сказку о Золушке. Золушка так быстро убежала с бала, что

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. – М.: Весь мир, 2007. С. XVI.

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

потеряла хрустальный башмачок. Только что он на ноге был, потом его не стало, и появился этот хрустальный башмачок на ее ноге уже в тот момент, который определялся событием: принц ее нашел. Между этими событиями («был на ноге», «потерялся» и «вновь есть на ноге») ни одно другое событие этого же порядка с Золушкой не происходило, хотя много чего происходило другого, не попадающего в этот ряд. Другими словами, между событиями «был на ноге» и «опять есть на ноге» ничего не было. Вот это «ничего» и есть настоящее время, относительно которого события и происходят из будущего в прошлое. Таким образом, настоящее время есть там, где времени нет: оно прервано. Настоящее ограничено двумя прерывами и само начинает восприниматься как фрактал – бесконечно делимый момент. В этом и состоит «парадокс настоящего»: настоящее есть (ибо есть то, мерой изменения и измерения чего оно является) и его нет (потому что оно стремится «выскользнуть» из реальности настоящего в прошлое).

Такое понимание чрезвычайно близко к идее Аристотеля, сформулировавшего парадокс времени: «Одна часть его была, и её уже нет, другая - будет, и её ещё нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый /промежуток/ времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть частным существованию»². Именно в этом месте Аристотель и формулирует «двойственность» времени: каждая «часть» времени «слагается» и из непрерывной длительности, и из тех промежутков, «пустот», которые образуются на границе с уже и ещё не существующими «частями времени». Но Аристотель оценивает пустоту как «несуществующее» и поэтому задаёт вопрос: как «теперь» может быть частью несуществующего времени? Каким образом одно «теперь» заменяется другим? Если «теперь» - точки во временном континууме, то не-

возможно существование двух соседних точек, так как между ними можно вводить ещё другие точки - «теперь». Сам Аристотель нашёл выход в том, чтобы мыслить время непрерывным потоком, связанным с движением в чувственном мире³.

Этот ответ соответствовал очевидностям обыденного опыта. Но такая позиция была уязвимой для критики: например, идея о бесконечной делимости континуума времени вела к тому, что оно лишалось реальности. Критика со стороны стоицизма основывалась на том, что сам Аристотель игнорировал: на понимании «неточечного» характера «теперь». Так, согласно Хрисиппу, «настоящее», «теперь» - не фиксированная точка, а предел, к которому стремится угасающее в настоящем прошлое и грань, за которой зарождается будущее: настоящее находится частично в прошлом и частично в будущем. Другими словами, «теперь» рассматривается у ранних стоиков как предел, к которому приближаются уменьшающиеся временные интервалы. Представить время как рисунок интервалов, «прерывов» - не значит свести время к форме деления, но представить как форму связи одного качественного состояния с другим, одного этапа процесса со следующим и предыдущим. «Прерыв» - это не ничто, а переход на другой уровень, слой реальности, где ценности и смыслы, важные на одном уровне, не имеют значения или не прочитываются на другом. Таким образом различаются, например, уровень повседневного, обыденного существования и уровень событий, важных для этноса или человечества в целом. Хотя, с другой стороны, противопоставление интересов, ценностей и смыслов отдельного индивида ценностям и смыслам человечества чревата подменой цели и средства.

Понимание времени как рисунка прерывов, отделяющего одни события от других, даёт возможность представить время как качественную определённую именно данного процесса, а не

² Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т.3. - М.: Мысль, 1981. С. 145.

³ Аристотель. Там же. С. 147.

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

только относить его к другим. Это проявляется и в языке. Так, слово "ветхий" обозначает "исконное", "древнее", "давнее", "старое"; "отживающее", "пришедшее в негодность от долгого употребления". Интересно, что в Новом завете "ветхий человек" - это человек, родившийся в прародительском грехе и не возродившийся духовно⁴. А исконный смысл слова "ветхий" (также "ветох") все же относит его к другому (в данном случае астрономическому) процессу - это "последняя четверть лунного цикла", родственно латинскому *vetus* - "год", др.-индийскому *vatras* - "годовалый"⁵.

Осознавшие себя культуры достаточно давно отреагировали на неравноценность социальных событий, поэтому и стали фиксировать вехи, важнейшие моменты в своём развитии в виде наиболее значительных событий. Веха при этом выполняла двойную роль: точки отсчёта и трансформатора скорости событий. В первом случае время как особая реальность не утрачивалось, а фиксировалось как качественная определённость именно данного процесса, как прерыв прежнего состояния, создающее условия для появления нового, как момент бытия видимого старого и невидимого нового. Интересно заметить, что слово "веха" в славянских языках обозначает "соломенный жгут" и родственно др.-индийскому слову *veskas*, что означает "петля для удушения. Во втором случае вехи - эти пики времени. они и становились теми самыми точками бифуркации, в которых происходил выбор дальнейшего пути развития. Примечательно, что представление об «эпохе» включает в себя не только смысл «значительного момента», но и «задержки, остановки в счете времени»⁶, что тоже можно интерпретировать как неосознанный отказ от чисто хронологического понимания времени.

⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т.т. Т.1. - М.: Рус. язык, 1978.- С.188.

⁵ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. - СПб.: Азбука, 1996. - С.307.

⁶ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.4. - СПб.: Азбука, 1996.

Уточнения требует и понимание измерения времени. Общепринятое измерение социального времени представляет собой операцию подмены и выражения дления одного процесса через другой: так, когда мы «измеряем», отмеряем время с помощью часов, мы приравниваем измеряемый процесс к движению (пространственному, кстати) астрономических тел. Если же мы действительно хотим понять время процесса (или события) самого по себе, его необходимо определить через моменты его же самого. Момент - это то, что ограничено двумя прерывами (с начала и конца). Время, таким образом, есть рисунок прерывов непрерывных массивов длящихся процессов. Подобно тому, как на чистом листе бумаги проведённая линия разделяет его на правую и левую половины. Разве возможен рисунок без линий, разделяющих (отсекающих) одну часть изображения от другой? Разве возможно время без чётко определённых моментов, мгновений, отделяющих одну часть события от другой, не относящихся ни к одной из них и в этом смысле "пустых"? Разве возможна музыка (самый яркий пример процесса, разворачивающегося во времени) без длящихся звучаний и пауз, создающих музыкальный рисунок наряду со звуками? В теории музыки это было понято достаточно давно, когда в III в. был введен термин «атом времени»: Аристид Квинтилиан, например, определяет единицу измерения в ритмике атомом, поскольку он является наименьшей различимой в восприятии длиной времени. В V в. эту идею развивает Марциан Капелла; в VII в. Исидор Севильский говорит об атомах времени уже без ссылок на музыку. Бэда Достопочтенный в VIII в. и Гонорий Августодунский в XII в. рассматривают атомы времени в качестве абсолютной меры длительности, в часе они насчитывают 22560 атомов времени.

Итак, время течет благодаря тому, что его непрерывность постоянно прерывается. Качество историчности, по Г.Зиммелю, событие («содержание действительности») приобретает в том случае,

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

если оно может быть прикреплено к определенному месту «в рамках нашей системы времени». Понимание же действительности, т.е. вчувствование в конкретное единство, в идеальное содержание этого единства, «есть нечто совершенно вневременное»⁷. Правда, понимание часто включает в себя временные отношения (порядок и длительность), но само это понимание не зависит от объективного летоисчисления: «Группа явлений понимается не потому, что у нее есть определенное место во времени, но потому, что в ней взаимообуславливаются содержания». Г.Зиммель вводит понятие исторического времени для выражения взаимоотношений содержаний истории, фиксации ряда событий, схватывания целостности содержаний: «...„овременение“ содержания может означать только фиксацию его в *определённом* месте времени. ...Только вместе с таким определением историчности содержания через его фиксированность в определенном месте правильно устанавливается характер индивидуализированности исторического познания...». Однозначность места конкретного события в целостном потоке событий – вот что создает качество историчности: «Историческое содержание обретает свой характер вместе с установлением *пункта* во времени – между всем предшествовавшим и всем последующим»⁸. Объективно протекающее время культуры, время каждого события создается взаимообусловленностью событий между собой. Понимая эту взаимообусловленность, соотнося конкретное событие с другими, мы возвышаемся над фиксацией простой хронологии, осознавая собственное время культуры. Время культуры, каждого ее события не сводится к хронологической длительности, а определяется тем значением, которое имеет это конкретное событие в рамках определенной целостности. Г.Зиммель

иллюстрирует эту мысль на примере Семилетней войны, которая, хотя и состояла из отдельных сражений и других эпизодов (и может быть описана посредством их описаний – каждого в отдельности), однако не эти частности составляют объединяющее их «временное пространство», а лишь сражение под Кунерсдорфом.

Несмотря на то, что Г.Зиммель фактически предложил новую парадигму исследования времени культуры, для социогуманитарной мысли 2-ой половины XIX в. время в обществе все еще оставалось в первую очередь социальным феноменом, то есть объективно существующей продолжительностью социальных процессов и отношением между продолжительностями. Оно не зависело от сознания и представления субъектов, «втянутых» в эти процессы. Такая интерпретация времени культуры была преодолена О.Шпенглером, выдвинувшем идею локальных культур. Для О.Шпенглера жизнь – это осуществление возможного – разворачивается во времени. «С учетом признака направления возможное называется будущим, осуществленное – прошлым. Само осуществление, средоточие и смысл жизни мы называем настоящим»⁹. "Время" мыслится Шпенглером как особый способ понимания – понимания становления (в противоположность "пространству" как способу понимания ставшего). Принципиально важно, что О.Шпенглер связал проблему времени с проблемой смысла: "Дело не в том, что представляют собою конкретные факты истории, взятые сами по себе как явления какого-либо времени, а в том, что они означают и обозначают своим явлением". Этот подход проявился и при решении проблемы одновременности: «Я называю „одновременными“ два исторических факта, которые выступают, каждый в своей культуре, в строго одинаковом – относительном –

⁷ Зиммель Г. Проблема исторического времени//Зиммель Г. Избранное. Т.1. Философия культуры. - М., 1996. С. 518.

⁸ Зиммель Г. Проблема исторического времени. - С.519, .521, 522.

⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С.203.

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

положении и, значит, имеют строго соответствующее значение»¹⁰.

Данное открытие связи времени со смыслом стало возможным благодаря неокантианцам и, в частности, В. Виндельбанду, показавшему, что историческое развитие есть прежде всего культуротворчество, связанное не с социальной динамикой, «овеществленными» историческими событиями, а с глубочайшими духовными сдвигами, «самосознанием развивающейся культурной жизни»¹¹. Поэтому время культуры предстает не только как готовая организационная форма, реализующая культурный опыт, но как единство этой объективной социальной формы и формы осмысления человеческого мира.

О важности осмысления любого социального взаимодействия сквозь призму культурных ценностей и введения соответствующего понятия («социокультурное») П. Сорокиным написано уже немало работ. П. Сорокин и Р. Мертон развивают идею связи времени со смыслом, подчеркивают необходимость выделения определенных периодов времени в зависимости от значения, приписываемого им.

Таким образом, время культуры есть такая конфигурация ее моментов (их длени и прерывов), которая вырисовывается через проявление степени их значимости для данной культуры, меры достижения поставленных человеком перед самим собой целей и задач, меры реализации принципов культуры. При этом смыслы и ценности находятся вне астрономического времени, что и выражено в словосочетании «надвременность культуры».

Время культуры не только осуществляется, но и переживается. Согласование времен (внешне принудительного, объективного, социального и личного) осуществляется не только в социальной, но и в психологической реальности. Поскольку

сознание человека не есть монолитное образование, то и переживание времени возможно подразделить на несколько уровней: бессознательные интуиции времени, уровень непосредственного, первичного переживания отдельных мгновений, рефлексия быстротечности, необратимости времени и других его особенностей. На всех выделенных уровнях происходит наращивание временного опыта личности. Этот опыт подкрепляется и выражается в языке. Апория бытия (что-то есть, что-то было, что-то будет) и небытия времени (как у скептиков: времени не существует, поскольку будущего еще не существует, прошлого уже не существует, настоящее же не пребывает) в повседневной жизни разрешается благодаря достоверности в пользу бытия времени. В языке выражается знание о том, что прошлое было (и оно удаляется), будет и будущее (и оно приближается). Что связывает их? Если только настоящее (в котором существует память о прошлом и ожидание будущего), то эту связь невозможно объяснить.

Августин, приближаясь к формуле своего знаменитого тезиса о трояственности настоящего, задает вопрос: «Если будущие и прошедшие вещи действительно существуют, то я хочу знать, где они существуют»¹². А. Августин приходит к выводу, что временные свойства, содержащиеся в воспоминании, повествовании и предвидении, предчувствии существуют в душе, что и дает ему возможность сказать: «Где бы они ни были, какими бы они ни были, (будущие или прошедшие вещи) существуют только как настоящие». Августин говорит не только о трояственности настоящего, а доверяет переживанию судьбу прошлого и будущего: «настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание». И все же не получается свести душу к переживанию, хо-

¹⁰ Шпенглер О. Цит. соч. С.132, 271.

¹¹ Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. – М., 1993. С.6.

¹² См.: Августин А. Исповедь. Кн.11. // Августин А. Исповедь; Абельяр П. История моих бедствий / Пер. с лат. - М.: Республика, 1992. М., 1982.

Людмила Александровна ШТОМПЕЛЬ / Liudmila Aleksandrovna SHTOMPEL

| Креативность культуры: время и вневременность / Creativity of culture: time and beyond time |

тя именно душа «и ждет, и внимает, и помнит»¹³. Таким образом, проблема времени перерастает в проблему души и тем самым Августин связывает проблему времени (повседневного) с проблемой вечности (трансцендентного).

Креативность необходимым образом связана со временем культуры, поскольку постоянно выходит за границы «своего» времени. При этом реализуются различные ориентации на время – презентизм (акцент на настоящем), футуризм (акцент на будущем), пассеизм (акцент на прошлом), смещающие трудно достижимую гармонию между инновационностью и традиционностью. Их сосуществование даже в современной культуре не осуществляется равномерно. Не все культуры выбирают лишь единственную ориентацию: в них могут сосуществовать две и больше. Были культуры, для которых ценно именно прошлое как носитель образцов (это традиционные культуры). Но есть и культуры, для которых важно прежде всего будущее, они устремлены вперед, к цели – это христианский мир: для христианина центр времени находится в ожидаемом будущем – там находится Спасение. Сторонниками презентизма называют

античных эпикурейцев и стоиков; его ярким проявлением в новоевропейской культуре считается знаменитая фраза Гете из «Фауста» («Остановись, мгновенье...»). В конце XX века все большее влияние приобретает презентизм как реакция на разочарование в прежних идеалах, расцениваемых как иллюзии: неверие в бога, в революционную идею, в государство, в лучшее будущее и т.п. приводит к возвеличиванию лишь сиюминутных ощущений. Интернет-технологии поддерживают презентизм. На этом фоне к прошлому начинает возвращаться утраченная былая ценность: во второй половине XX в. европейцы начинают задумываться о сохранении памятников старины, проявляют повышенный интерес к собственным корням (возрождается интерес к генеалогии, архивным исследованиям и мемуарам). Однако не следует забывать, что прошлое – это «вместилище» не только образцов, но и ошибок. И на уровне целых обществ, и на уровне отдельных личностей люди постоянно оказываются в прошлом, если повторяют на новом материале старые ошибки. Попасть «в настоящее» - значит обрести новое качество, действительно реализовать его.

---

¹³ См.: там же.

